

И

Н

Ц

**кася
кустова**

е

л

INSPIRIA

Москва

И

Н

Ц

**кася
кустова**

е

л

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К94

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Избранный», 1903 г.
художника Фердинанда Ходлера (1853-1918).

Кустова, Кася.

К94 Инцел / Кася Кустова. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с.

ISBN 978-5-04-217676-0

Жизнь провинциального парня Илья нельзя назвать сладкой: заурядная внешность, отсутствие достижений, несчастная влюбленность в однокурсницу Лену, которая вышла замуж и за которой он следит в соцсетях. Свое негодование Илья выражает в интернете, находя сочувствие в обществе инцелов и женоненавистников. Однажды он решает переехать в Москву к своему другу Никите и даже лелеет надежду на сближение с Леной. Удастся ли ему вырваться из порочного круга обид и неудач?

Роман «Инцел» — бережное исследование души человека, раздираемого чувствами, которые не принято выражать.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кустова К., текст, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-217676-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Моя заветная мечта стать просто обыкновенным человеком, в полном смысле этого слова.

Саша Таранов, Кумертау
(«Костер», 1991, № 12)

I can't find myself. I got lost in someone else.

The Cure — Lost

ГЛАВА 1

То сообщение прилетело в пять утра. «Привет, можешь говорить?»

В колонках фоном негромко играла любимая группа *The Cure*. Толстый раскрашенный Роберт Смит напоминал добрую учительницу по алгебре, благодаря которой Илья и пошел в программисты. Даже голос у нее был такой же пронзительный. Не так давно Илья встретил ее в маршрутке: она, постаревшая, но все еще яркая, зашла с пакетом на остановке «Центральный рынок» и даже попросила его открыть окно, однако не узнала. Илья подумал: ну да, ну да, через нее ведь за эти годы прошло столько учеников, и всех она помнить не обязана. Старшие классы в преддверии ЕГЭ превратились в беспокойный птичий базар, а Валентина «Роберт Смит» Павловна была заботливой наседкой. Как она могла запомнить его среди поголовья таких же нелепых, страшненьких, пусть и неглупых цыплят, в то время как в параллели водились прекрасные лебеди и павлины? Принял ли он это? Да. Обидно ли ему? Не то слово.

Розовый рассвет сочился сквозь неплотно закрытые синие шторы и скользил по белым стенам. Илья дернул штору, чтобы прогнать блики из комнаты, но оторвал одно из колец, крепящихся к карнизу. Выругался

шепотом и понял, что на сегодня он кончился. Илью Чулочникова уже пошатывало от долгого сидения за компом: голова гудела, а в глаза будто насыпали песка. Не помогало даже то, что в настройках макбука Илья поменял свет с голубого на желтый. Самое паршивое в мире состояние — это когда хочешь спать, но слишком устал, чтобы заснуть, потому что засыпание тоже требует сил, а монитор вдобавок словно держит тебя в заложниках. На экране замер кадр — тощая брюнетка с татуированной спиной и в мини, едва прикрывающем зад, стоит на коленях перед немолодым пузатым мужиком, видимо, ее боссом. На столе Ильи — кружка с последней каплей холодного кофе. Илья запрокидывает голову и допивает каплю. Там, где стояла кружка, в столешницу вьелось пятно — Илья с точностью до миллиметра помещает ее всегда на одно и то же место.

День Ильи давно поменялся с ночью. Будильник заведен на 11:55. За что уж он ценит свою контору, так это за то, что рабочие созвоны не ранние. Даже если он провисит в сети до шести утра, выйдет почти здоровая норма сна. Режим Ильи напоминал ему игру «Симс» — человечки ели и засыпали в совершенно рандомное время суток, понятие циркадных ритмов им было неведомо. «Симс» была единственной компьютерной игрой, в которую он мог играть спокойно, потому что там не выпрыгивали резко монстры. Илья понимал, что такой режим рано или поздно скажется на работоспособности и что молодость лишь ненадолго поможет вывозить ночные бдения — тридцатник не за горами.

Интересно наблюдать, как к тридцати годам у всех складываются жизни. От головокружительного успеха до полнейшего дна, как в передаче «Мужское и жен-

ское». Он пока где-то между. Однокурсник Серега купил частный дом как с картинки в *Pinterest* — всего-то на полтора ляма в кредит залез. Илья же отнес в ремонт старый велик, где ему сказали, что тут ничего не поделаешь, новый надо покупать. А новый он не купил, потому что все спустил на шмотки: не выглядеть как чмо ему важнее. С другой стороны, до тридцатилетия оставалось еще четыре года. Если он вообще доживет, а то ведь может случиться что угодно. Тревожные мысли Илья комкал, запихивал на дно своего ментального шкафа и маскировал сверху какими-нибудь приятными планами. Например, о покупке новых кроссовок на маркетплейсе «Зорро», где Илья просадил уже столько денег, что достиг максимальной скидки. Или эротическими фантазиями — лучший способ отвлечься во все времена. Пошел в жопу, тридцатник.

Каждый день, едва-едва продрав глаза, в двенадцать Илья заходил в зум на созвон с командой. Не включая камеру и прямо из постели он, пытаясь звучать бодро, отвечал на вопросы тимлида, чтобы затем с чистой совестью вновь отрубиться и дрыхнуть до трех дня. Работал он преимущественно по ночам. Окна Ильи выходили на помойку, но, если высунуться посильнее и посмотреть повыше, можно было увидеть звездное небо, на которое он любил пялиться в перерывах. Между тем карьерных звезд с неба Ильи не хватало. К утру становилось тихо и ясно: тихо, как «тихое увольнение», — профессиональная стратегия, которую он избрал. Ясно, что будущего нет.

Черная, как активированный уголь, ночная прохлада, тянущаяся из форточки, бодрила его. Он был классиче-

ской «совой», но сам сравнивал себя скорее с молодым домашним котом, который днем спит, а ночью выходит на охоту и делает «тыгыдык» по квартире. В этом азарте он охотился на код.

Ночь полна жутких звуков: звон бутылок, топот, долбящая музыка из машин и безобразные пьяные вопли. Иногда, по весне, — пронзительные, как стоны призраков из хорроров, кошачьи концерты под окнами. Но Илья был в домике, в своем панельном оазисе безопасности. Расправившись с кодом, он так же решительно расправлялся с информационным голодом, до утра обновляя ленту «Твиттера». Он скроллил посты от случайных, совершенно незнакомых людей до тех пор, пока информация помещалась в него физически. Илья, несомненно, мог бы настроить ленту так, чтобы в ней появлялись твиты только тех, на кого он подписан, и времени на соцсети уходило бы меньше. Однако в подписках у Ильи были лишь шапочно знакомые унылые программисты, чьи высеры он пролистывал, не читая. Он был бы рад вообще от них всех отписаться, но не хотел ни с кем ссориться и скандалить. В «Твиттере» вообще-то есть функция «игнорировать»: можно скрыть из своей ленты твиты человека, оставаясь у него в подписчиках. Но, пользуясь этой функцией, Илья ощущал себя лицемерным подлым и прибегал к ней очень редко.

Особенно его раздражал коллега с прошлой работы с юзернеймом *Hunter Eyes*. Он, конечно, был куда более успешным охотником на код, чем Илья: уволился из их маленькой фирмы и основал собственный успешный стартап. Поднял бабла, переехал в Мадрид и в своем «Твиттере» на десять тысяч подписчиков честно делил-

ся успехами и неудачами. Конечно, успехов оказалось в разы больше, чем неудач. Этот Хантер был невероятно одиозным персонажем, таких еще поискать: Илье казалось, что Хантер презирает людей гораздо больше, чем он сам, — а это уже ту мач. Под каждым твитом Хантера разыгрывался натуральный срач в реплаях. И с каждым же комментатором блогер лично вступал в диалог, стремясь закатать противника в асфальт. Обвинения в токсичности он отрицал: «Я просто знаю, чего хочу. Это всех бесит. Вы ненавидите меня, потому что у вас никогда не будет того, чего достиг я». Хантер был занозой в ленте Ильи. Казалось бы, у него столько фолловеров — отпишись от него Илья, тот даже не заметит. Но не тут-то было: Хантер помнил Илью, он жаждал с ним общаться.

Однажды Илья написал в своем «Твиттере»:

Накойкаци @lifeiswar 29 минут назад
Считаю, что программист без высшего образования — не настоящий программист. Только математика организует ум и помогает видеть вещи глубоко. Все эти распиаренные IT-школы выпускают толпы быдлокодеров. Убогое зрелище

Под этим твитом моментально появился реплай:

Hunter Eyes @smartguy 2 минуты назад
Илья, я так понимаю, это был камень в мой огород? При всем уважении — ты сам окончил Мухосранский государственный университет и никаким секретным знанием

Кася Кустова

не обладаешь. Математика в работе программиста не нужна. К чему этот гейткипинг?

Илья прекрасно знал, что у Хантера в принципе не было профильного образования. Он вообще с филфака — и тот, кажется, даже не окончил. Однако когда Илья писал этот твит, то позволил себе об этом забыть. Просто он как бы ожидал, что Хантер не заметит эту подленькую диверсию или заметит, но ничего не скажет. Ну и что теперь, смельчак? От прямолинейного ответа Хантера стало холодно в груди, мокро в ладонях, закололо в правом боку. Илья поспешно застрочил: «Что ты, Костя, я вообще не о тебе — ты-то как раз исключительный случай, когда образование не нужно, но меня просто расстраивает в целом...» Даже слова не влезли в ограничения по знакам, и пришлось растянуть оправдательную речь аж на три твита. На деле Илья мечтал послать Хантера матом. Но тот в ответ мог полить его говном от души — этого Илья бы не пережил.

Илья крепко сидел на игле алгоритмической ленты «Твиттера». Кто-то из рекомендованных пользователей сходил на секс-вечеринку; кого-то бросила девушка, и он написал длинный слезливый тред, разлетевшийся на цитаты; кто-то подобрал с помойки шенка и агрессивно ищет ему новый дом. Илье казалось, что он узнает всю эту ужасную информацию против своей воли — но без нее уже будто не мог. Информация была необходима: если она долго не поступала, Илье словно перекрывали кислород. Он испытывал мерзкое тревожное чувство — FOMO, это слово похоже на *foam* — шиплящую глаза мыльную пену. Fear of missing out — страх пропу-

стить что-то важное, интересное. Например, по-настоящему горячий тейк, или, как говорили в Рунете нулевых, «вброс». Не принять участие в мемном флешмобе, не посоревноваться с другими юзерами в придумывании острот о новостной повестке и в рисовании корявых мемов. Каждый год, третьего сентября, одна половина «Твиттера» постила шутки с бородатым лицом Шуфутинского, а другая ныла, что шутки про Шуфутинского уже всем осточертели. «Твиттер» был богат на развлечения, но из-за ограниченных форматов они быстро приедались. Илья заметил, что и сам мыслит твиттерскими шаблонами. Это бесило, и хотелось врезать себе кулаком по затылку, когда к нему цеплялась схема шутки, с которой он мог бы написать вирусный твит на десять тысяч лайков. Впрочем, ни один пост Ильи, написанный им за семь лет в этой социальной сети, так и не разлетелся.

Преимущество у «Твиттера» тоже было, и оно перевешивало местную деградацию: стойкое чувство комьюнити. Правда, это было херовое комьюнити — токсичное, готовое высмеять его в любую минуту, как он сам, не переставая, высмеивал других, проявляя самую жестокую изобретательность. Это напоминало школьный буллинг, когда ты присоединяешься к травле, чтобы самому не стать ее объектом. Илья — хилый и застенчивый — имел все данные, чтобы стать прекрасной мишенью для буллинга еще в школьные годы. Но одноклассники не торопились кошмарить Илью. Да, его презирали и считали лохом, но в целом терпели. И даже этот статус дался ему с трудом. Он вертелся и пресмыкался, чувствуя себя ужом. Таскался за косяком сильных и успешных одноклассников, был безотказен, если просили списать, стоял на стреме, когда другие затевали пакостную шалость.

И все же каждый день он шел в школу с тревогой о том, что однажды его перестанут терпеть и из пустой ручки в него полетит жеваная бумага. Что внезапно в проходе ему подставят подножку. Спрячут рюкзак и накидают туда мусора. Загонят в туалет и макнут головой в толчок.

Правда, пока в их классе училась Аня Мальцева, ему это не грозило — все это происходило с ней. Это не он, а она сидела, не смея поднять красного лица, под градом бумажных плевков и насмешливых шепотков. Она пряталась на пожарной лестнице после уроков и ждала, когда все уйдут, чтобы безопасно добраться до дома. Один раз Илья даже видел ее там и слышал, как она всхлипывала.

Аня пришла в седьмом классе, и ее сразу все невзлюбили. Лицо Ани вечно блестело, за что девочки прозвали ее Смальцева. Они говорили, что лицо у нее словно намазано топленным жиром, смальцем. Они же утверждали, что у нее грудь пятого размера. На что она возражала: «Да у меня размер А!» — «А значит „арбузный“», — интерпретировали одноклассницы. Они растрепали по всей школе, что месячные у Смальцевой начались в восемь лет. Подлю втерлись в доверие и выяснили, что Аня мечтает о «профессиональной фотосессии» в шипастом ошейнике и кожаной мини-юбке. На следующее утро они разнесли, что скромница Смальцева — та еще оторва в свои четырнадцать. С тех пор жизнь Ани Мальцевой превратилась в ад. Началось все с надписей помадой на зеркале в женском туалете «Смальцева — шлюха». Издевательства продолжались несколько лет: никто из учителей гимназии ничего не сделал. А кончилось все тем, что в одиннадцатом классе Аню затолкали в темную мужскую раздевалку, где ее по очереди облапал каждый желающий.